

Сердце Чжэн Биюй дрогнуло. Долгое время спустя она резко села:

- Глупости!

Императрица Се была первой дочерью влиятельного клана. Как она могла завести с кем-то роман?

Служанка не осмелилась ничего сказать. Чжэн Биюй на мгновение погрузилась в раздумья, а затем спросила:

- Кто еще слышал этот бред наложницы Жун?

Служанка ответила:

- Только Сюэ Гуйфэй и несколько ее служанок слышали это. Сюэ Гуйфэй тогда смеялась и говорила, что наложница Жун сумасшедшая и несет всякую чушь. Однако в последние несколько дней она тихонько отослала всех дворцовых служанок, которые там были, осталось только ее доверенное лицо.

Этим доверенным лицом оказалась сводная сестра служанки, одна из шпионок Восточного дворца.

Пальцы Чжэн Биюй покалывало, когда она давала указания своей служанке:

- Наложница Жун сошла с ума, она ненавидела принцессу Вэньчжао, так что перед смертью нарочно говорила такие глупости, чтобы запятнать репутацию императрицы Се. Сюэ Гуйфэй хорошо справилась с этим делом, и никому не позволено об этом слышать.

Служанка склонила голову и ответила «да».

Глаза Чжэн Биюй блеснули, и она тихо спросила:

- Что именно сказала наложница Жун?

Служанка ответила:

- Перед смертью наложница Жун ругала принцессу Вэньчжао, говоря, что все сыновья и дочери Его Величества сильные и крепкие, а все девушки высокие и пухлые. Почему же только принцесса Вэньчжао была слабой с детства и не могла даже стоять, пока ей не исполнилось три года? Почему она с детства не могла прекратить прием лекарств и каждый месяц должна была принимать пилюлю Нинглу? Почему принцесса Вэньчжао единственная, чьи глаза не похожи на глаза семьи Ли?

- Сюэ Гуйфэй опровергла слова наложницы Жун, сказав, что это потому, что принцесса Вэньчжао родилась слабой от природы. Нложница Жун громко рассмеялась и сказала, что принцесса Вэньчжао вовсе не принадлежит к родословной Его Величества, потому что она не была рождена императрицей Се.

От крайнего изумления рот Чжэн Биюй слегка приоткрылся. Она думала, что наложница Жун намекает на неверность императрицы Се. Оказалось, что она говорит о том, что Ли Яоинь вообще не была рождена ею.

Служанка продолжила рассказ:

- Нложница Жун сказала, что в те времена все люди клана поддерживали второго принца Се Чжунцяня в качестве наследника трона. Служанка императрицы Се сделала несколько саркастических замечаний императрице Тан и та в гневе покончила с собой. Голова Его Величества в одночасье стала белой, и он даже не стал больше сражаться. Он поспешил вернуться в уезд Вэй, чтобы присутствовать на похоронах императрицы Тан. В это время императрица Се была беременна, поэтому Его Величество не стал ее наказывать.

- Нложница Жун сказала Сюэ Гуйфэй, что на самом деле императрица Се в то время вовсе не была беременна. Ее кормилица, опасаясь, что Его Величество разгневется на императрицу, научила ее солгать, что она на нескольких месяцах беременности. Императрица Се сделала так, как ей советовали.

Поскольку за несколько месяцев до этого Ли Дэ вернулся в уезд Вэй и каждую ночь оставался во дворе императрицы Се, а также учитывая, что императрица Се жила в глубоком уединении, никто ничего не заподозрил.

- Нложница Жун сказала, что принцесса Вэньчжао ни в коем случае не была золотой ветвью с нефритовыми листьями. Ее принес Вэй Го Гун.

Вэй Го Гуном был Се Вулян. Когда Ли Яоинь вышла замуж за представителя племени Елу, Ли Дэ издал указ о посмертном присвоении Се Вуляну титула Вэй Го Гуна. Ли Чжунцянь был принят в семью Се и непосредственно унаследовал этот титул - весомый, но без реальной власти.

Наконец служанка сказала:

- Нложница Жун сказала, что она давно подозревала о происхождении седьмой принцессы. Только потому, что она боялась возмездия Се Чжунцяня, она не осмелилась говорить об этом вслух.

Мысли Чжэн Биюй блуждали. Откинувшись назад, она долгое время не произносила ни слова. Интуиция подсказывала ей, что то, что сказала наложница Жун, было правдой.

Чжэн Биюй дала указания своей служанке:

- Это дело не должно дойти до чанши Вэя.

Служанка ответила:

- Ваше Высочество, наложница Жун говорила глупости, и этому нет никаких доказательств. Даже если об этом станет известно, это не имеет значения.

Сюэ Гуифэй полагалась на Ли Яоинь, чтобы получить должность заместителя императрицы. Она, конечно, не стала бы разглашать это дело. Даже если бы она это сделала, это не имело бы значения. Кто воспримет это всерьез? Без доказательств ее слова будут не более чем предсмертными словами сумасшедшего.

Более того, принцесса Вэньчао вышла замуж в качестве принцессы семьи Ли. Даже если она не была родной дочерью императора, теперь она ею стала.

Чжэн Биюй пробормотала:

- Верят в это другие или нет, это не имеет значения...

Ключевой вопрос заключался в том, следует ли сообщать об этом наследному принцу?

Причина, по которой наследный принц ненавидел Ли Яоинь, была в том, что она - дочь семьи Се. Если бы он знал, что Ли Яоинь не была рождена от госпожи Се...

Чжэн Биюй нахмурила брови.

После того, как она вышла замуж в семью Ли, она расспросила о самоубийстве госпожи Тан. Мужчины семьи Ли часто бывали на войне. Госпожа Тан и госпожа Се оставались в уезде Вэй. Ли Дэ возвращался домой каждые несколько месяцев, чтобы навестить обеих жен.

В тот день, когда госпожа Тан покончила с собой, Ли Сюаньчжэнь случайно вернулся домой и увидел, как его мать, обгоревшая до неузнаваемости, выскочила из огня и упала к его ногам. На самом деле, именно Ли Дэ должен был вернуться в уезд Вэй в тот день. Когда он уезжал из дома, он обещал вернуться домой, чтобы провести праздники со своими двумя женами. Позже, из-за критической ситуации на войне, он отправил домой только своего старшего сына. Тогда служанка семьи Тан шепнула Чжэн Биюй, что госпожа Тан изначально собиралась сгореть заживо на глазах у Ли Дэ.

В результате по ошибке Ли Сюаньчжэнь стал свидетелем ее трагической смерти. Перед смертью она впала в безумие и снова и снова просила Ли Сюаньчжэня отомстить за ее смерть.

Более десяти лет Ли Сюаньчжэню ночь за ночью снились кошмары о том, как умерла его мать. Чжэн Биюй тактично посоветовала Ли Сюаньчжэню забыть о своей ненависти. Хотя Тан Ин покончила с собой в гневе после словесной перепалки со старейшиной клана и служанкой госпожи Се, но в конечном итоге в ее смерти не было вины госпожи Се. Почему он выбрал в качестве мишени госпожу Се и ее детей?

Он был способен прислушиваться к советам по другим вопросам; даже дела Чжу Луюнь могли быть скомпрометированы. Но почему в вопросах, связанных с госпожой Се, он был таким радикальным?

Тогда Ли Сюаньчжэнь холодно усмехнулся и ничего не объяснил Чжэн Биюй.

В душе Чжэн Биюй зародилось смутное подозрение. Возможно, в истории о прошлом есть что-то такое, о чем никто не знал. Чтобы защитить Тан Ин, Ли Сюаньчжэнь что-то скрыл. По этой причине он явно не ненавидел седьмую принцессу как личность, однако снова и снова обижал ее.

Чжэн Биюй задумалась об этом. Взвесив все варианты, она решила рассказать Ли Сюаньчжэню то, что сказала наложница Жун. Седьмая принцесса была невиновна.

Она встала, пошла в кабинет и взяла кисть, чтобы написать письмо Ли Сюаньчжэню.

После того, как указ о браке был официально опубликован, Ли Сюаньчжэнь повел вэйскую армию на Лянчжоу, а конница племен Ху атаковала Хэ с трех сторон. После победы он остался в Лянчжоу и в столицу не возвращался.

Чжэн Биюй дописала письмо и передала его слуге, поручив ему лично доставить его Ли Сюаньчжэню. Слуга почтительно поклонился.

...

Спустя полмесяца после отъезда Цинь Фэя, Ли Яоинь прибыла с племенем Елу в окрестности Лянчжоу.

Вождь племени Елу уже отбыл из Лянчжоу. Пройдет немного времени, и он присоединится к ним на берегу реки, где племя Елу располагалось каждую зиму, чтобы завершить свадьбу по их обычаям.

В древние времена Лянчжоу был известен как Юнчжоу. Местность была плоской и обширной, и с древних времен это была плодородная земля, «люди стекались туда, где было много шелковицы». Здесь также располагался крупный северо-западный торговый порт, где «смешивались повозки и звучали различные песни». В древние времена он был известен как стратегическое место, пересекающее пустыню, которое могло поставить под угрозу пять

уездов.

Во времена династии Тан достопочтенный Сюань Цзан проезжал через Лянчжоу, путешествуя на запад за священными писаниями. В то время ничто не мешало монахам и купцам вести дела в Лянчжоу. Еще несколько десятилетий назад он был одним из самых процветающих городов на севере.

Позже, когда китайская династия пришла в упадок и мир погрузился в смятение, северо-запад подвергся вторжению могущественных Тубо и различных восставших племен. Бывшей династии Чжу не удалось вернуть себе северо-запад, когда была создана их империя, и Шелковый путь с его торговцами-ткачами и гулками верблюжьими колокольчиками был отрезан на много лет.

Сидя в карете, Ли Яоинь иногда приподнимала занавеску, чтобы выглянуть наружу. Перед ее глазами был бескрайний мир, покрытый пеленой запустения. В радиусе ста ли не было никаких признаков человеческого жилья.

Чем дальше они продвигались на северо-запад, тем хуже становилась погода. На мрачном небе постепенно появлялись признаки снега и ветра. Вершины зубчатых гор до самого горизонта напоминали спящего дракона.

Где облака над горами Циньлин? Лошади не продвигаются вперед через заснеженный Голубой перевал*.

(ПП: Строка из китайского стихотворения, написанного Хань Юем)

Дорога становилась все более и более неровной и труднопроходимой. Несмотря на то, что ей прислуживали внимательные служанки Ху, для Ли Яоинь, которую постоянно баловали, это все равно было довольно тяжелое путешествие.

Когда им нужно было перебраться через горы, ей приходилось выходить из повозки и ехать верхом, как и остальным. Ли Чжунцян научил ее ездить верхом и часто сопровождал ее в конных прогулках, но это всегда происходило на ровном широком поле в яркие, солнечные весенние дни, а не на ухабистых, изрезанных горных дорогах поздней осенью, когда дул лютый холодный ветер.

Ездить по тропам было гораздо труднее, чем по ровной местности. Им также нужно было найти безопасное место для ночлега до наступления темноты, и они часто путешествовали весь день напролет.

Бедра Ли Яоинь были в синяках и кровоподтеках, открытые раны покрылись струпьями и ссадинами. Ее нежные пальцы были стерты поводьями до кровавых волдырей. Всякий раз, когда группа останавливалась на отдых, ей казалось, что кости выпадают из ее тела, и она не могла даже пошевелить пальцами. Тали и Аи должны были держать ее под руки, чтобы

помочь ей сойти с лошади.

В тот день они наконец-то пересекли несколько больших гор и прибыли на открытую равнину в центре долины. Ли Йоинь перебралась в повозку, а Айи опустилась на колени, чтобы нанести ей лекарство.

Се Цин, как обычно, ехал рядом с повозкой. Рукояткой ножа он приподнял угол занавески и протянул маленькую фарфоровую бутылочку.

- Принцесса, это лекарство, которое я обычно использую. Оно более сильнодействующее, чем мази, которые вы взяли с собой. При использовании будет больно, но заживет быстрее.

После этого он добавил:

- И шрама не останется.

Ли Йоинь перегнулась через стол, взяла фарфоровую бутылочку и мягко улыбнулась:

- Ты очень внимателен.

Обычно у него было холодное, невыразительное лицо, как у деревянного истукана. Она никогда бы не подумала, что он проявит инициативу и даст ей лекарство.

Рукоятка ножа исчезла, и занавеска снова опустилась. Вскоре после этого раздался голос Се Цина:

- Принцесса... сегодня день вашего рождения.

Ли Йоинь на мгновение застыла. Она рассеянно вспомнила, что когда она была маленькой девочкой, она пошла на церемонию вручения шпильки* своей кузины и не могла уйти, пока не стемнело. Ли Чжунцян зашел за ней. Увидев ее сонные глаза, он не хотел ее будить и понес обратно.

(ПП: когда девушке исполнялось 15 лет, ей меняли прическу, закалывая шпилькой. С этого времени она считалась совершеннолетней и могла выйти замуж)

Оказавшись на спине Ли Чжунцяня, она снова взбодрилась и принялась болтать, рассказывая ему, как оживленно прошла вечеринка. Ли Чжунцян громко рассмеялся: «Когда Сяо Ци достигнет вручения шпильки, брат устроит для тебя церемонию, которая будет еще больше и веселее, чем сегодняшняя. Деревья на всей улице будут усыпаны разноцветными фонариками».

Ли Йоинь обняла Ли Чжунцяня за шею и потерлась о нее: «Я не хочу церемонии шпильки. Если рядом будут мама и старший брат, мне будет достаточно съесть чашку лапши долголетия».

В то время она была беззаботна и ни о чем не беспокоилась. Она и представить себе не могла, что когда придет время праздновать ее совершеннолетие, даже чашка праздничной лапши долголетия станет роскошью.

Ли Йоинь надолго отвлеклась. Только когда Аيي закончила наносить мазь и ушла, она медленно пришла в себя.

- Я совсем забыла... - она подняла шторку, запрокинула лицо и посмотрела на Се Цина, улыбаясь, как цветок, - А-Цин, ты потрудился запомнить это.

Она уже давно перестала вести счет дням.

Се Цин опустил голову, не глядя на Ли Йоинь.

- Я понимаю, почему принцесса не взяла Чун Жу и других служанок в Елу, - он посмотрел на тонкий слой снега на песке под копытами своей лошади, - Если бы вы привезли их сюда, они бы плакали и рыдали весь день, увидев, как сильно страдает принцесса.

Ли Йоинь улыбнулась. Судя по тону Се Цина, он, кажется, презирал Чун Жу?

Пальцы Се Цина крепко сжали рукоять его меча:

- А если бы они были здесь... им было бы трудно вырваться из лап старшего принца Елу.

Лицо Ли Йоинь слегка помрачнело.

Старший принц Елу был груб и дик. Он даже не пытался скрыть выражение своего лица, когда смотрел на нее. Возможно, он еще боялся своего отца, вождя Елу, и в эти дни не осмеливался обращаться с ней неуважительно, но каждый день на ее глазах затаскивал в свою палатку одну из рабынь племени. Через несколько мгновений из палатки доносились нескрываемые звуки.

Несколько дней назад старший принц Елу даже отправился прямо к Ли Йоинь, чтобы попросить Тали, но она категорически отказалась. Старший принц сузил глаза и ничего не сказал, но ночью пробрался в палатку к Тали с намерением совершить что-нибудь неподобающее, но, к счастью, Тали была настороже и не дала ему добиться успеха.

Ли Йоинь оглянулась. За каретой следовали ее собственные солдаты.

Она прошептала:

- А-Цин, старший принц пытается напугать меня.

Изящная ханьская принцесса, которую выдали замуж в далекие степи, должна испугаться и запаниковать, столкнувшись с подобным еще до того, как познакомилась со своим мужем. И пока она в ужасе, старший принц, вероятно, нанесет удар.

Вены на руке Се Цина, сжимавшей рукоять его меча, вздулись:

- Принцесса, я пойду и убью его.

Ли Яоинь нахмурилась:

- А-Цин... ты не можешь убить старшего принца Елу.

Все воины племени Елу выросли верхом на лошадях. Они были искусны в стрельбе из лука и верховой езде, Се Цин не мог сравниться со старшим принцем.

Лицо Се Цина напряглось:

- А если я заберу принцессу и сбегу?

Ли Яоинь покачала головой:

- А-Цин, мы не можем убежать...

Если она сбежит в это время, то нарушит свое обещание. Более того, шпионы Южного Чу уже проникли в Чанъань. Как только она убежит и союз будет разорван, Южный Чу наверняка начнет подстрекать племя Елу начать войну. Народ Юга будет опустошен, Центральные равнины снова погрузятся в войну. Ей будет не лучше, чем сейчас - либо она попадет в руки Южного Чу и станет для них орудием для развязывания войны, либо будет захвачена и растерзана разъяренным кланом Елу.

Ли Яоинь терпеливо объясняла Се Цину:

- Сейчас мы не можем ни убежать, ни скрыться. Почему двор должен был заключить союз с племенами Ху? Почему мы должны полагаться на кавалерию племени Елу, чтобы послать войска для захвата Лянчжоу?

Се Цин поднял голову, и его взгляд упал прямо на ее лицо.

Ли Яоинь сказала:

- Потому что это их территория.

Династия Центральных Равнин полностью потеряла контроль над рекой Лонг и западным регионом. Без помощи племен Ху, вэйская армия даже не знала бы, сколько сил сосредоточено в Лянчжоу. Как они смогли бы отвоевать его одним махом?

- А-Цин, теперь я принцесса Великого Вэй. Я - жена, которую вскоре примет хан Елу. До тех пор, пока договор остается в силе, старший принц Елу не посмеет обращаться со мной легкомысленно.

Она подняла глаза, глядя вдаль.

- Если мы убежим, старший принц Елу поймает нас в мгновение ока. Что может случиться с провинившейся вэйской принцессой, которая попадет в его руки?

По телу Се Цина пробежала дрожь тревоги.

Старший принц Елу делает это нарочно! Он запугивает принцессу, а сам ждет, когда принцесса совершит ошибку!

Се Цин разжал пальцы и отчаянно попытался подавить беспокойство, которое нарастало в течение многих дней.

Ли Яоинь улыбнулась:

- А-Цин, что бы ни случилось, со мной все будет хорошо.

После того, как брат оправится от своих травм, он обязательно придет к ней. А до тех пор она должна жить хорошо.

Она повернула голову и посмотрела в направлении востока. Высокий и величественный горный хребет в небе загораживал ей обзор. За этими горами находилась ее родина.

- Однажды, рано или поздно, мы вернемся на Центральные Равнины и воссоединимся с нашими семьями.

Она собиралась вернуться. Неважно, насколько это будет трудно.

Се Цин кивнул и крепко сжал рукоять своего меча. Неважно, куда он попадет, он будет хорошо защищать принцессу.

Группа продолжала двигаться на запад. Через несколько дней Ли Яоинь увидела реку, которая извивалась между пустыней и горами. Река еще не замерзла, и по ее берегам росла дикая

трава. Изредка можно было увидеть овец и крупный рогатый скот, которые пили на берегу реки.

Тали сказала Ли Яоинь:

- Следуя за этой рекой еще несколько дней, мы дойдем до лагеря.

Они наполнили свои водяные мешки на берегу реки, пошли вдоль русла и повернули на юго-восток.

Река - единственный источник воды в Гоби. Чем дальше на юго-восток, тем больше крупного рогатого скота и овец можно было увидеть по пути. Иногда встречались племена людей и караваны с верблюжьими колокольчиками.

Когда Ли Яоинь услышала звон колокольчика, она приподняла занавеску и посмотрела на караван, идущий на холодном ветру. Вдруг ее собственные солдаты засуетились, столпились вокруг ее повозки и погнались вверх по холму в сторону.

Тали взглянула на караван и с выражением жалости на лице обратилась к озадаченной Ли Яоинь:

- Принцесса, старший принц готовится разграбить этот караван.

Ли Яоинь молчала.

Грабеж был присущ племени Елу. Они выросли верхом на лошадях; не зная, как вести хозяйство или ткать, они были рождены, чтобы следовать за своими отцами по пастбищам и грабить все, что только можно: еду, людей, богатства.

Когда карета поднялась на возвышенность, старший принц Елу остановил своего коня и оглянулся через толпу на Ли Яоинь в карете. Он медленно достал свой турфанский ятаган, захваченный в битве. Его глаза не мигая смотрели на Ли Яоинь, а взгляд был острее стрел, летящих с неба.

Властный, дикий, жестокий и хладнокровный. Яростная жажда завоевания пульсировала вокруг него, смешиваясь с шипящим, ревущим потоком.

Дрожь пробежала по телу Ли Яоинь, ее руки в длинных рукавах слегка дрожали. Она знала, что проявление трусости только сделает старшего принца еще более самодовольным. Кончики ее пальцев глубоко погрузились в мягкую ладонь. Она держалась спокойно и не пошевелила ни единым мускулом.

Прекрасное лицо за вуалью было невыразительным, благородным и безразличным. Такая элегантная, такая холодная.

Как цветок, распустившийся на вершине снежного пика. Луна, висящая высоко в бескрайнем небе.

Именно из-за этой недостижимости она казалась еще более манящей и соблазнительной, что разжигало неконтролируемое желание и жадность обладать ею. Ему действительно хотелось разорвать одежду, обернутую вокруг этого прекрасного тела, и позволить этому нежному цветку расцвести на его ладони.

Заставить ее плакать.

Заставить ее сдаться.

Жар разлился по телу старшего принца, наполняя его кровь энергией. Запрокинув голову, он лизнул холодное лезвие, как будто тонкая сталь под его языком была гладкой, нежной плотью ханьской принцессы.

Вожделение смешалось с жаждой убийства. Он был так счастлив, что его тело дважды содрогнулось, и он широко улыбнулся.

Под громовой стук копыт старший принц вырвался вперед и бросился в бой с поднятым ятаганом. Его собственные солдаты следовали за ним плотным строем, все девятнадцать человек. Подобно кровожадному зверю, обнажающему свои клыки, они быстро проделали зияющую дыру в передней части торгового каравана.

Автору есть что сказать:

Старший принц Елу грабил с востока на запад, и в конце концов ограбил не того.

Затем пришли монахи.